

МАЙ-ВИТКОВИЧ П. П., О. П. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

МАЙ-ВИТКОВИЧ Павел Петрович, родился в 1870. Окончил реальное училище, с 1892 — служил счетоводом в бухгалтерии Рижско-Орловской железной дороги. С 1893 по 1895 — преподаватель в частной школе Глезер в Риге, в 1902 — окончил Политехническое училище в Риге, служил бухгалтером в отделе торговли Министерства финансов, затем делопроизводителем и бухгалтером в Отделе прямых налогов и пошлин в Петербурге, коллежский ассессор; с февраля 1923 — в финансовом отделе Губисполкома, с сентября после увольнения преподавал иностранный язык в Военно-морском гидрографическом училище, с 1926 — вышел на пенсию как инвалид труда. 8 марта 1935 — арестован и выслан с женой в село Урицк Актюбинской области на 5 лет.

МАЙ-ВИТКОВИЧ Ольга Павловна, родилась в 1873. Получила высшее образование, преподавала иностранные языки. Вышла замуж за Павла Павловича Май-Витковича, преподавателя. С 1920 — проживала с мужем в Петрограде, преподавала немецкий язык в школе. 8 марта 1935 — выслана с мужем в село Урицк Актюбинской области на 5 лет.

В августе 1935 — Павел Петрович Май-Виткович обратился с заявлением к прокурору НКВД.

<10 августа 1935>

«Копия

Тов<арищу> Ленинградскому Прокурору НКВД

Гр<аждани>на Май-Виткович П. П.,
жит<еля> с<ела> Урицк Убаган<ского>
р<айо>на Актюб<инской> обл<асти>

Заявление

Ввиду моего преклонного возраста (66-й год) и крайне расстроенного здоровья, не позволяющего мне взяться за какую-либо работу и за неимением каких-либо средств к жизни, убедительно прошу разрешить мне переехать в какой-нибудь город, где моя жена, как преподавательница немецкого языка, могла бы получить работу по специальности и иметь меня и далее на своем иждивении, на иждивении коей я фактически находился с момента признания меня инвалидом труда 2-й категории, ввиду нетрудоспособности и к тому крайне малого размера пенсии для бухгалтера (27 руб<лей>).

Что касается до моего обвинения, то я не считаю себя вовсе невиноватым. Я был арестован 8 марта с<его> г<ода> ночью больным с повышенной температурой в страшном испуге и доставлен в тюрьму. Все, что происходило в эту ночь, я не помню и рассказать не могу; мне лишь припоминается, что я не мог найти очки, которые я в испуге оставил дома, а без них я читать не могу, что мне читали я из-за глухоты и нервного потрясения мало что расслышал и потому ничего не понял, единственно, что мне припоминается, это то, что меня обвиняли в том, что я был губернатором в течение 4-х лет. Это я считаю очень злой шуткой, так как мне за мою жизнь и рядом не приходилось стоять с губернаторами, и я прошу обвинителя указать мне хотя бы город, в котором я как счетовод мог бы быть губернатором. Что касается до того, что мой отец был дворянином и мать крестьянкой неграмотной, — вина не моя личная, и, как всем известно, бывшие дворяне и сейчас проживают в Ленинграде. Если мои родители имели хозяйство, это тоже мало меня устраивало, так как я в семье из-за семейных неприятностей не жил, а всегда служил далеко от

нее (г<ород> Рига и г<ород> Ленинград), на что у меня имеются документальные доказательства, и никогда в жизни хозяйством я не занимался. Не зная акта обвинения, я просил, чтобы мне дали копию для оправдания, но было отказано, и до сих пор я не знаю, что написано в акте обвинения. Что касается меня лично, то я чистосердечно могу заявить, что я никогда на военной службе не был, никогда ни в каких организациях не участвовал и под судом никогда в жизни не был, служил Советской власти в Москве и Ленинграде честно и безупречно, был всегда лоялен Советской власти и помогал жене-пролетарке, как уже больной и нетрудоспособный, и редко выходящий из дома в общественных работах как по школе, так и по ЖАКТ'у.

Ввиду вышеизложенного и вредного для болезненных стариков климата с сильными постоянными ветрами, буранами, убедительно прошу перевести нас в такой город, где жена могла бы найти работу по специальности и дать мне кусок хлеба, иначе мы оба будем здесь обречены на голодную смерть, так как я быстро теряю силы и сознание и без постоянной помощи жить не могу, и еще раз убедительно прошу снять с нас, дряхлых стариков, такое страшное и незаслуженное наказание.

При сем прилагаю копию справки врача местной больницы, у коего я нахожусь на лечении <в> с<еле> Урицк.

П. Май-Виткович.

10/VIII-35 г<ода>»¹.

С марта 1936 — Ольга Павловна и Павел Петрович Май-Витковичи были переведены в Кустанай. 25 апреля 1936 — Павел Петрович скончался в ссылке, Ольга Павловна стала вдовой². В августе 1936 — она обратилась за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

«г<ород> Кустанай
20/VIII - 36 г<ода>

Глубокоуважаемая Екатерина Павловна

Обращаюсь к Вам с величайшей просьбой мне помочь в моем большом горе. Мой больной муж Май-Виткович Павел Петрович скончался 25 апреля в г<ороде> Кустанае, когда ему разрешили из Урицка переехать в марте с<его> г<ода>. Теперь я совершенно одинокая в чужой и степной местности, среди ужасных ветров-буранов, безработная, угнетенная, пожилая.

Моя сестра Э. Май из Ленинграда была в июне в Москве, а 16 июня заходила к Вам в канцелярию и передала там заявление на имя НКВД, там же один пожилой гражданин ей обещал хлопотать за меня, и что ответ будет в конце августа. Сегодня 20 августа, я страшно волнуюсь и потому я Вас, глубокоуважаемая Екатерина Павловна, умоляю, сжальтесь Вы надо мной, посоветуйте, как женщина женщине, что мне делать, помогите мне выбраться из этого заколдованного круга всяких несчастий. Я сейчас страдаю неврастением в остро выраженной форме, боюсь тронуться.

Мне так жутко, моя жизнь так печальна, как жизнь "дяди Тома, негра". В детстве росла больным рахитиком, без молока, полуголодная и малокровная, да хилое мое тело еще часто били без причины нервные <боли>. Моя бедная мать, крестьянка латышка, рабочая, работая по денно, от болезни и бедности, с 4-малолетними детьми, получая отказы о помощи, в отчаянии сошла с ума при царском режиме.

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1339. С. 256-257. Автограф.

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1470. С. 147.

Позже мой брат, рабочий-литейщик, революционер, выпущенный из тюрьмы, скончался от болезни мозга и мании преследования в доме умалишенных, тоже в царское время накануне революции.

"Учиться, учиться и учиться", — советовал тов<арищ> Ленин, и я, действительно, любила учиться, знала только ученье и работу, а также и мой больной муж, сын неграмотной крестьянки. И вдруг, жактовские лодыри, которые сами от всякой общественной работы отмахивались, зло, очень зло пошутили над нами, самыми полезными стариками, работниками по общ<ественной> линии в доме, где мы жили; и нас обидели адм<инистративной> высылкой вместо заслуженных санаторий и дома отдыха. Такой черной же неблагодарности из-за угла мы не ожидали.

Все обвинения могут быть, конечно, только вымышленные, ибо получала за свою честную работу грамоты и премии за ударничество по соц<иалистическому> строительству. Одна копия грамоты, заверенная Урицким с<ельским> с<оветом>, находится уже у Вас в деле.

"Пролетарии всех стран, соединяйтесь", — сказал Карл Маркс, и потому я пролетарка из бедной рабочей семьи не должна страдать, как вечно проклятьем заклеянная, не должна быть угнетенной в пролетарском государстве, где наш любимый тов<арищ> Сталин, друг угнетенных всего мира. Живя нормально, могу быть еще полезной государству. Одновременно посылаю письмо тов<арищу> Ворошилову авиапочтой с просьбой мне помочь, как бывшей сестре милосердия франц<узского> Красн<ого> Креста военного времени и как члену de l'Union des femmes de France военного времени. Имею аттестат об окончании курсов медсестры Фр<анцузского> Красн<ого> Креста, могу быть еще медсестрой. Все мои спутники-ленинградцы, человек 50, получили разрешение от тов<арища> Молотова и Ягоды из Урицка поехать в Рыбинск на работу. Они пишут, что все там хорошо устроились, что живут опять по-человечески и что счастливы.

Умоляю Вас, глубокоуважаемая Екатерина Павловна, помогите и Вы мне, угнетенной, пожилой женщине 63 лет выбраться в нормальные условия жизни, за что Вам буду искренно благодарна.

Искренно преданная Вам О. Май-Виткович

Прилагаю марки на ответ»³.

В сентябре 1936 — Ольга Павловна Май-Виткович вновь просила помощи Екатерины Павловны Пешковой.

«Кустанай 8/IX-36 г<ода>.

Глубокоуважаемая Екатерина Павловна

Искренне благодарю Вас за Ваши заботы и за ответ от 27/VI за № 8260. У меня опять новое горе. Вчера получила из Ленинграда от моей сестры Э. Май, прож<ивающей> ул<ица> Желябова, № 25, кв. 18, что Жактовские угнетатели теперь на нее наступают и собираются у нее отнять комнату, в которой она 18 лет живет, хотят ее выбросить на двор. Письмо полно отчаяния, она боится всякой клеветы со стороны Жакта, а я ей сейчас помочь не могу. Если мне дали бы скорее какой-нибудь минус или город Рыбинск, куда почти все ленинградцы из с<ела> Урицкого переехали на работу и хорошо устроились, то я ей предложила бы переехать ко мне, и мы вместе стали бы на новом месте работать и кормиться. Здесь в Казахстане работы для нас, старых работниц, нет, и жить дорого. Помогите нам, глубокоуважаемая Екатерина Павловна, мы

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1523. С. 165. Автограф.

теряемся, мы точно проклятем заклеименные пролетарки, протяните Вашу руку помощи, посоветуйте и моей сестре и мне, что нам делать и где найти защиту.

Твердо уверена, что Вы нам протяните руку помощи.

Глубоко уважающая Вас

О. Май-Виткович.

Моя сестра рабочая и работает техничкой в Гос<уларственной> капелле, Мойка, 20 в Ленинграде.

1/IX я отправила заявление тов<арищу> Ягоде, что нужда у меня доходит до крайних пределов, и его прошу меня отправить в Рыбинск на работу, присоединив меня к работникам из с<ела> Урицкого. Вы, может быть, сделаете запрос и нам сразу сообщите, пожалуйста»⁴.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1523. С. 166. Автограф.